

Vasil'jeva, Jelena Anatol'jevna

Семантика антропонимов в произведениях Н.В. Гоголя и проблема их перевода на чешский язык

In: *N. V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase : (studie o živém dědictví)*.
Dohnal, Josef (editor); Pospíšil, Ivo (editor). V Tribunu EU vyd. 1. Brno:
Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty, 2010, pp.
431-440

ISBN 9788073991975

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132753>

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

СЕМАНТИКА АНТРОПОНИМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. В. ГОГОЛЯ И ПРОБЛЕМА ИХ ПЕРЕВОДА НА ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВА (ГРАДЕЦ КРАЛОВЕ)

В статье рассматриваются антропонимы произведений Н. В. Гоголя «Вий» и «Ревизор». Уделяется внимание семантике имен и их связи с авторской концепцией произведений. Приводятся примеры ассоциаций, возникающих у чешского читателя при знакомстве с гоголевскими антропонимами. Ставится проблема соответствия перевода имен их изначальному авторскому замыслу.

Ключевые слова: антропонимы, Хома Брут, Вий, ассоциации, Хлестаков, авторская концепция.

The paper discusses the anthroponyms in literary works by Nikolay Gogol: «Viy» and «The Inspector-General». Attention is given to the semantics of names and their relationship with the author's concept. Associations that a Czech reader may derive from the Gogol's anthroponyms are exemplified. We pose the problem of conformity of the names' translation to the original author's intent.

Keywords: anthroponymus, Choma Brut, Viy, associations, Chlestakov, author's concept.

Рождение имени героя – это трудный творческий процесс, закономерность, где за каждым именем стоит определенный образ, вызывающий у читателя ассоциации, связанные как с языковыми факторами, так и с экстралингвистическими. Объединяя в своей семантике необходимые образные смыслы, антропонимы выражают индивидуально-авторское понимание событий и фактов, описанных в созданном воображаемом мире, передают читателю скрытую информацию извлекаемую благодаря способности имени порождать ассоциативные и коннотативные значения. Гоголевский мир

пестрит онимами. В начале XX века В. Вересаев задавался вопросом: «И что за «русские» фамилии, – Яичница, Земляника, Коробочка... Держиморда, Неуважай-Корыто, Пробка, Доезжай-Недоедешь? Откуда столько украинцев в русской глуши?...» И ставил диагноз: «Малое знакомство с жизнью, незнание быта...»¹ Гоголевский мир антропонимов сложен и многопланов, отсюда возникает трудность их восприятия, а также и перевода на иностранные языки.

Ювелирная точность, с которой дает имена своим героям Н. В. Гоголь, восхищает и удивляет. Словесный облик онима открывает далекие последствия в судьбе его обладателя, маркируя характер. Имена собственные, являясь важным стилеобразующим элементом текста, организуют информационное пространство художественного произведения.

Обратимся к некоторым гоголевским антропонимам в произведениях «Вий» и «Ревизор» и постараемся увидеть их роль в авторской концепции, выраженной в творчестве писателя. Нас интересуют также и ассоциации, возникающие у чешского читателя при встрече с гоголевской антропонимикой, а также проблема адекватного перевода антропонимов на чешский язык.

Как же воспринимает чешский читатель антропоним Хома Брут, имя героя повести «Вий»? В переводе Фромковой звуковое оформление антропонима передается при помощи транслитерации – СНОМА BRUT². Чтобы выяснить круг читательских ассоциаций, нами был произведен опрос среди чешских читателей, не владеющих русским языком. Какие ассоциации возникали? Ramenatý a nabručený člověk, slon (choma → chobot); silný člověk (brutální – velmi násilný). В этом есть доля истины. Оттолкнувшись от имени главного героя, попробуем разобраться в авторской концепции, представленной в произведении.

В. Г. Белинский считал, что «целого в повести нет»³. Так ли это?

Двуплановость повествования в «Вие» отмечает Г. А. Гуковский⁴. Он говорит о двух мирах, в которых живет Хома Брут: мире дня и мире ночи, снижено бытовом и героически мифическом. На наш взгляд, это передается и в имени героя – Хома Брут. Имя Хома (укр. от Фомы) ассоциируется

---

¹ ВЕРЕСАЕВ, В. В.: Как работал Гоголь. Москва 1934, с. 64.

² GOGOL, N. V.: Výbor z díla. Bohumil Mathesius 1. autoriz. vyd. Praha : Svoboda, 1949, s. 510, 482.

³ ГОГОЛЬ, Н. В.: Собрание сочинений в 6 томах. Том 2. Москва 1959, с. 345.

⁴ ГУКОВСКИЙ, Г. А.: Реализм Гоголя. Москва-Ленинград 1959, с. 187-192.

с библейским Фомой неверующим, где безверие героя подчеркнуто образом его жизни: *«Кто? я? – сказал бурсак, отступивши от изумления. – Я святой жизни? – произнес он, посмотрев прямо в глаза сотнику. – Бог с вами, пан! Что вы это говорите! да я, хоть оно непристойно сказать, ходил к булочнице против самого страстного четверга»*⁵, – и антропоним Брут отсылает нас к Древнему Риму. Герой попадает в мир ночи, противостоит силам зла. В этом борении выявляется героический план личности, о котором он в беспечности своей обыденной жизни даже не подозревал. Итак, двуплановость повествования воплощается уже в имени главного героя повести.

Это странное совмещение в имени героя, *«лексический парадокс»*⁶, раскрывает, на наш взгляд, не только особенности композиции повести (совмещение бытового и мифического), но и служит ключом к пониманию авторской концепции, выраженной в произведении.

Интересную интерпретацию имени главного героя повести предлагает А. Вершинский. Для понимания всей глубины этого кажущегося простым на первый взгляд образа А. Вершинский предлагает обратиться к латинскому звучанию онима Брут – Brutus⁷. В переводе на русский – *«тяжелый, неуклюжий»*, в переносном же смысле – *«тупой, бессмысленный, глупый»*⁸. Хома – транслитерация с латинского homo. Итак, Хома – homo, Брут – brutus. Получается интересное парадоксальное сочетание: homo brutus в противовес homo sapiens, «человек глупый» в противовес «человеку разумному».

Действительно, Хома живет, наслаждаясь всем, что ему дает жизнь. Перед читателем проходят картины жизни бурсы: попойки, драки, распутство. Хома, активный участник этой жизни, живет, не задумываясь ни о чем. Лишь встреча с мистическим помогает ему обнаружить в себе силы, необходимые для борьбы со злом. Ночью – битва, мобилизующая все силы «неверующего Фомы», а утром – обычая жизнь, которую «прожигает» Хома: *«он прошел, посвистывая, раза три по рынку, перемигнул на самом конце с какою-то молодою вдовою в желтом очипке, продававшею ленты, ружейную дробь и колеса, – и был того же дня накормлен пшеничными вarenиками, курицею»*⁹

---

⁵ <http://www.klassika.ru/read.html?proza/gogol/vii.txt&page=3>

⁶ ГУКОВСКИЙ, Г. А.: Реализм Гоголя. Москва-Ленинград 1959, с. 191.

⁷ <http://a-vers.narod.ru/vij.htm>

⁸ МАЛИНИН, А. М.: Латинско-русский словарь. Москва 1961, с. 83.

⁹ http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0050.shtm

Кто же такой Вий? Гоголь дает описание своего героя: *«И вдруг настала тишина в церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучащие по церкви; взглянув искоса, увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапого человека.<...> Тяжело ступал он, поминутно отступаясь. Длинные веки опущены были до самой земли»¹⁰*. Перед нами «человек тяжеловесный» – homo brutus.

Убивает Хому встреча с самим собой, с глубинами своего подсознания. Человек – целый мир, космос, непредсказуемый (как не знал Хома до встречи с мистическим о силах, таящихся в нем), порой ужасный. Тонкая грань (возможно, круг, который чертил Хома), отделяет нас от глубин подсознания, от мира, в который мы не вправе вступать.

Понимание авторской концепции, заложенной в произведении, ведет нас к проблеме выбора адекватных средств перевода имен собственных на иностранный язык. Для передачи ассоциативных имен собственных наиболее эффективна транскрипция, транслитерация и внутритекстовый комментарий. Выбор какого-либо из путей для полноценной передачи авторского замысла нам представляется довольно сложным при переводе драматических произведений. А особенно гениальной комедии «Ревизор».

Обратимся к антропонимам комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Попробуем раскрыть семантику онимов и постичь авторскую концепцию при помощи комментариев и писем самого писателя.

В. И. Немирович-Данченко в статье «Тайны сценического обаяния Гоголя» отмечал новаторство комедии: «Гоголь находит сценическое движение в неожиданностях, которые проявляются в самих *характерах* (курсив наш – Е. В.), в многогранности человеческой души, как бы примитивна она ни была»¹¹. Характеры персонажей маркируются именами. Гоголевские имена являются неким «заглавием» внутреннего мира персонажей, что в сочетании со спецификой их характера определяет сущность героев. Ирреальные, странные имена и фамилии героев произведений Гоголя указывают на болезни духовного плана не только своих носителей, но и всего человечества. Гоголевские фамилии – квинтэссенция характеров, где человек «обрисован с головы до ног».

При помощи «Словаря В. И. Даля» попробуем «расшифровать» фамилии героев комедии. *Бобчинский* – возможно, от псковского «бобыч» – «глу-

---

¹⁰ См. там же.

¹¹ МАНН, Ю. В.: Поэтика Гоголя. Вариации к теме. Москва 1996, с. 168.

пый бестолковый человек»¹². В фамилии Добчинский такого самостоятельного семантического корня нет, она образована по аналогии (одинаковости) с фамилией Бобчинский. При всей похожести героев они дополняют друг друга. Неслучайно Ю. Манн отмечает, что «не возникло бы действие пьесы, если бы не было двух сплетников и если бы не тончайшее развитие их характеров»¹³. Гоголь был не удовлетворен игрой актеров, исполнявших эти роли при первой постановке пьесы. Бобчинский и Добчинский вышли карикатурами: «Эти два человечка, в существе своем довольно опрятные, толстенные, с прилично-приглаженными волосами, очутились в каких-то нескладных, превысоких седых париках, всклокоченные, неопрятные, взьерошенные, с выдернутыми огромными манишками; а на сцене оказались до такой степени кривляками, что просто было невыносимо»¹⁴. Гоголь в «Предуведомлении для тех, которые пожелали бы сыграть, как следует играть «Ревизора» предупреждает, что «Бобчинский и Добчинский требуют особенно, чтобы были сыграны хорошо <...> Это люди, которых жизнь заключалась вся в беганьях по городу с засвидетельствованием почтения и в размене вестей. Все у них стало визиг. Страсть рассказать поглотила всякое другое занятие. И эта страсть стала их движущею страстью и стремлением жизни»¹⁵.

Какие же ассоциации вызывают эти имена у чешской аудитории? Ассоциации важны для передачи точной семантики, скрытой за звуковым обликом имени. При переводе имени собственного «ассоциация сама по себе важнее, чем ее конкретная лексическая основа»¹⁶.

Итак, *Бобчинский и Добчинский*. В переводах Матгесиуса и Легутовой фамилии героев переданы при помощи транслитерации. BOBČINSKIJ A DOBČINSKIJ¹⁷. Ассоциации реципиентов: povedená dvojka (králíci z klobouku – Bob a Bobek, animovaná pohádka); Pat a Mat (dvojice z večerníčku, nešikové, kteří všechno pokazí); dobrý a zlý; detektivové (komická a veselá jména). Как видно из примеров, чешские реципиенты хорошо воспринимают комическое звучание онимов, основывающееся на паронимии.

¹² ДАЛЬ, В. И.: Толковый словарь живого великорусского языка. Тома 1. Москва 1981-82, с. 101.

¹³ МАНН, Ю. В.: Поэтика Гоголя. Вариации к теме. Москва 1996, с. 216.

¹⁴ ГОГОЛЬ, Н. В.: Собрание сочинений в 6 томах. Том 4. Москва 1959, с. 369.

¹⁵ <http://timofeikoryakin.livejournal.com/2800.html>

¹⁶ <http://timofeikoryakin.livejournal.com/2800.html>

¹⁷ GOGOL, N. V.: Výbor z díla. Bohumil Mathesius. 1. autoriz. vyd. Praha: Svoboda, 1949

Именами-кличками, «которые мы нечаянно застаем, когда они превращаются в фамилии»¹⁸, избобилуют гоголевские тексты.

Сквозник-Дмухановский. Чешский реципиент ассоциирует эту фамилию с чешскими словами *dmichat* и *mucha*, а также *člověk, který něco sváží* (напр. *dříví v lese*), *strojník* (ten, kdo pracuje se stroji a opravuje je); *závozník*; *peřina* (*duchna – moravské nářečí*); *nějaký hlupák*. При помощи «Словаря В. И. Даля» прокомментируем эту фамилию. «Сквозник» (от «сквозь») – хитрый, зоркий умом, проницательный человек, пройда, пройдоха, опытный плут и пролаз¹⁹. «Дмухановский» (от «дмить» – малоросс., т.е. укр.) – «дмухать» – «дуть», «дмиться» – «надмеваться, напыщаться, становиться надменным». Это – «напыщенность, гордость, киченье, спесь, чванство»²⁰. Вот и получается: Сквозник-Дмухановский – чванливый, напыщенный, хитрый пройдоха, опытный плут. Украинское «дмухати» – «дуть» недвусмысленно (и при том дважды в одной фамилии) намекает на *продувное* (курсив наш – Е. В.) мошенничество и плутовство этого старого казнокрада-взяточника (ср.: *продувная bestia*. Разг. Экспрес. Плут, хитрец, пройдоха)²¹, основными средствами которого в достижении цели были обман, подкуп, лесть, ложь и лицемерие в отношении с вышестоящими, угрозы, шантаж – в отношениях с подчиненными. Стоит вспомнить только все его поведение на протяжении пьесы, чтобы убедиться, насколько точно дана ему характеристика в фамилии. В фамилии – вся суть этого персонажа.

Ляпкин-Тяпкин. Чешский реципиент ассоциирует этот оним с *cestovatelem* (*lapa, ťapa – expresivní výrazy pro noha – jít, cestovat*); *zvířátkem, jménem zvířete* (*Ťapka většinou jméno pro pejska nebo kočku*); а также с глаголом *ťapkat – expresivní výraz pro chodit, např. malé děti ťapkají*, основываясь на транслитерации LJAPKIN-ŤAPKIN в переводе Богемила Матгесиуса.

Дана Легутова предлагает перевод антропонима Ляпкин-Тяпкин как CUPKIN-DUPKIN²², что вызывает следующие ассоциации: *cupkat – tiše chodit, expresivní a laskavý výraz, zdrobnělina*; *dupkat – zdrobněle dupat, vydá-*

¹⁸ НАБОКОВ, В: Лекции по русской литературе. Москва 1998, с. 60.

¹⁹ ДАЛЬ, В. И.: Толковый словарь живого великорусского языка. Том 4. Москва 1981-82, с. 195.

²⁰ Там же, том 1, с. 440.

²¹ <http://slovari.yandex.ru/dict/frazslov>

²² GOGOL, N. V.: *Ženba; Revízor; Mítve duše*. Dana Lehutová, J. Štrasser. 1. vyd. Bratislava: Tatran, 1989.

vat hlasité zvuky – někdo, kdo se plíží, aby všechno zjistil, snaží se být nenápadný, ale nedaří se mu to.

Судья носит фамилию Ляпкин-Тяпкин. Чтобы понять, насколько метким, бьющим не в бровь, а в глаз именем собственным является эта фамилия, достаточно вспомнить образ судьи в «Ревизоре». Он считается ученым человеком в городе, он прочел несколько книг отвлеченного содержания и почитается за «либерала-вольнодумца», сам же себя считает человеком добродетельным, гуманным. Ляпкин-Тяпкин – признанный авторитет в суждениях, «на догадки охотник», он может рассуждать о домашней своре, гончей ищейке и «о столпотворении». Но философски смотрит судья на свои обязанности: служебные дела его идут сами собой, он не вмешивается в них. Он сам со свойственной ему наивностью характеризует свою деятельность: «Я вот уже 15 лет на судейском стуле сижу, а как углублюсь иной раз в записку – а! только рукой махну. Сам Соломон не разберет, что в ней правда, а что неправда!»²³. Единственно, что интересует судью, – это «взятки борзыми щенками».

В свете такой характеристики, такого столкновения двух стремлений к оценке судьи со стороны его самого и объективной его оценки автором и зрителем, оценки, которая выясняет полнейшую халатность, разгильдяйство в отношении служебных обязанностей и показывает умственное и моральное убожество этого человека, фамилия Ляпкин-Тяпкин («тяп-ляп» Прост. Пренебр. Небрежно, кое-как, наспех (делать что-либо или сделанный) получает конкретное и интересное содержание, заключая парадоксальный для носителя ее, но совершенно точный для читателя-зрителя смысл.

Наиболее сложный характер в пьесе – *Хлестаков*. Что слышит чешский реципиент в его имени? В переводе Богемила Матгесиуса Хлестаков звучит как CHLESTAKOV и вызывает ассоциацию: opilec a ochlasta (chlastat – příliš pít, především alkohol). Дана Легутова пытается приблизиться к семантике имени, переводя Хлестаков как CHVASTAKOV, что вызывает следующие ассоциации у чешского читателя: chvástat se – vytahovat se na někoho, neustále poukazovat na své přednosti, mnohdy si také vymýšlet a upravovat skutečnost, negativní vlastnost. Однако в этом переводе подчеркнута лишь одна черта многогранной личности героя.

Гоголь признавал, что это самая трудная роль в пьесе: «Актер для этой роли должен иметь многосторонний талант, который умел бы выражать разные черты человека»²⁴. Гоголь, комментируя эту роль, пишет: «Хлестаков,

²³ ГОГОЛЬ, Н. В.: Собрание сочинений в 6 томах. Том 4. Москва 1959, с. 36.

²⁴ ГОГОЛЬ, Н. В.: Собрание сочинений в 6 томах. Том 4. Москва 1959, с. 377.

сам по себе, ничтожный человек.<...> Он чувствует только то, что везде можно хорошо порисоваться, если ничто не мешает. <...> Не имея никакого желанья надуть, он позабывает сам, что лжет». Однако «этот пустой человек и ничтожный характер заключает в себе собрание многих тех качеств, которые водятся и не за ничтожными людьми»²⁵. «Углубляясь в свой анализ пошлости пошлого человека, поддерживаемой и питаемой миражной жизнью, он <Гоголь> додумался до Хлестакова. Этого невыполнимого никаким великим актером типа...потому что тип есть нечто собирательное и фантастическое, как нос майора Ковалева», – пишет Ап. Григорьев²⁶. В «Отрывке из письма...» Гоголь прямо говорит: «Это лицо должно быть тип многого разбросанного в разных русских характерах, но которое здесь соединилось случайно в одном лице, как весьма часто попадаетея и в натуре. Всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым»²⁷. В письме к В. А. Жуковскому от 6 марта 1847 года Гоголь о себе замечает: «Я размахнулся в моей книге таковым Хлестаковым, что не имею духа заглянуть в нее»²⁸.

Образ Хлестакова гораздо сложнее, чем он кажется на первый взгляд. В «Словаре В. И. Даля» находим комментарий к слову «хлестать»: 1) «врать, пустословить»; 2) «хлестко» – «сильно, крепко, больно, бойко, шибко, быстро, резво»; 3) «хлест, хлыст» – «фат, щеголь и повеса, шаркун и волокита, наглец, нахал»; 4) «хлестун (хлыстун)» – ниже-новгородское – «праздный шатун, тунаядец»²⁹. В фамилии – весь Хлестаков как характер: фат, праздный повеса, нахальный волокита, который способен лишь сильно, бойко врать и пустословить, но никак не трудиться. Это действительно «пустой» человек, для которого ложь – «почти род вдохновения», как писал Гоголь в «Отрывке из письма...»³⁰. Все сказанное можно обобщить словами В. Набокова: «Сама фамилия Хлестаков гениально придумана, потому что у русского уха она создает ощущение легкости, бездумности, болтовни, свиста тонкой тросточки, шлепая об стол карт, бахвальства шалопая и удалства покорителя сердец (за вычетом способности довершить и это

---

²⁵ <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps4/Ps4-112-.htm>

²⁶ МАНН, Ю. В.: Поэтика Гоголя. Вариации к теме. Москва 1996, с. 204.

²⁷ <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps4/Ps4-112-.htm>

²⁸ ГОГОЛЬ, Н. В.: Собрание сочинений в 6 томах. Том 4. Москва 1959, с. 403.

²⁹ ДАЛЬ, В. И.: Толковый словарь живого великорусского языка. Том 4. Москва 1981-82, с. 550.

³⁰ <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps4/Ps4-112-.htm>

*и любое другое предприятие»*³¹. Звуковая огласовка, таким образом, является существенным фактором, создающим эмоциональную атмосферу и самого имени и произведения в целом.

В «Развязке «Ревизора» раскрывает авторский замысел и объясняет место и роль Хлестакова в пьесе: «Хлестаков <...> – ветренная светская наша совесть, которая дает себя подкупить страстям нашим, как Хлестаков чиновникам, – и потом пропадает, также как он, неизвестно куда»³². Итак, чиновники – страсти человеческие, Хлестаков – продажная совесть. Глубокой символикой проникнута вся пьеса.

Последняя немая сцена – развязка действия. Приезд настоящего ревизора. Гоголь особенно настаивал на точности постановки сцены. В письме к И. И. Сосницкому от 2 ноября 1846 года Гоголь пишет: «Из заключительной пьесы «Развязка «Ревизора» вы постигните, почему я так хлопочу об этой последней сцене и почему мне так важно, чтобы она имела полный эффект»³³. Действительно, ключ к пониманию авторской концепции лежит в последней сцене комедии. Немая сцена – окаменение, постигшее всех, сходное с картиной К. Брюллова «Последний день Помпеи», которая так поразила Гоголя. Момент между жизнью и смертью, момент высшего напряжения. Миг, запечатленный навсегда, миг перед небытием. «Последняя сцена представляет собой последнюю сцену жизни, когда совесть заставит взглянуть вдруг на самого себя во все глаза и испугаться самого себя»³⁴. «Взглянем хоть сколько-нибудь на себя глазами того, кто призовет на очную ставку всех людей, перед которым наилучшие из нас <...> потупят от стыда глаза свои»³⁵. Здесь образ Хлестакова вырастает до философских обобщений. Хлестаков – соблазнитель, Сатана, бес, испаряющийся, как дым, перед лицом Господним.

Философская картина мира с борением добра и зла, мир человеческой души с бушующими в ней страстями представлены в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

Как и в «Вие», в центре комедии – человеческая душа. И все возможности для гибели или возрождения таятся в ней. Обратимся еще раз к пись-

---

³¹ НАБОКОВ, В.: Лекции по русской литературе. Москва 1998, с. 286.

³² ГОГОЛЬ, Н. В.: Собрание сочинений в 6 томах. Том 4. Москва 1959, с. 392.

³³ Там же, с. 394.

³⁴ ГОГОЛЬ, Н. В.: Собрание сочинений в 6 томах. Том 4. Москва 1959, с. 392.

³⁵ Там же, с. 389.

N. V. GOGOL: BYTÍ DÍLA V PROSTORU A ČASE
(STUDIE O ŽIVÉM DĚDICTVÍ)

мам Гоголя. Писатель прямо признается, что все его «последние сочинения – история моей собственной души»³⁶.

---

³⁶ Там же, с. 151.